

Солнечный проспект рассекал огромный город на две равные части, чертя тунгусскую просеку в камне. Начиная свой разбег у подножия древнего, миллионы лет назад потухшего вулкана, проспект сохранял асфальтовую прямоу вплоть до набережной залива. Там он спотыкался о россыпь магазинчиков с мороженым и чипсами, мозаику ларьков с конфетти шипучих напитков, развалы торговцев сигаретами, календариками и статуэтками Святого Антония в одну сотую натуральной величины. Проспект замедлялся в пешеходной своей части, утрачивал однозначность, дробился о ступеньки, лишь чтобы вскоре снова набрать строгость и силу направления—вдоль по гигантскому вантовому мосту, одному из красивейших в Европе. Мост перепрыгивал воздушные мили, небрежно опираясь ажурными колоннами о несколько мелких туристических островков, уходил в туманную даль—на другую сторону залива.

Пожилой джентльмен с тросточкой, сухощаво-надменный, благородно седой, не спеша двигался к этому мосту, изредка снимая лёгкую сетчатую шляпу и обмахиваясь ею. На этих улицах, в это время года бывало и жарче, но джентльмен был стар. Иногда—не слишком часто, но всё же—его узнавали в толпе, кто-то толкал спутника локтем и кивал на старика, кто-то исподтишка делал быстрый кадр. На подобные мелочи джентльмен не обращал никакого внимания—подбородок его был чуть приподнят вверх, крючковатый нос заострён, тросточка методично утыкалась в плиты мостовой.

Дойдя до начала моста, старик выбрал свободную скамеечку и с видимым облегчением опустился на неё. Он достал носовой платок и протёр лицо и лысину. Потом водрузил свою дырчатую шляпу обратно и застыл, уставившись вперёд, сцепив руки на набалдашнике трости. Он напоминал престарелого филина, после долгой охоты наконец-то усевшегося на любимый сук.

Его визави появился спустя пару минут. Молодой человек лет двадцати пяти, невысокий, хорошо сложенный, с чисто выбритым, спокойным лицом. Глаза его, светло-серые, были безмятежны.

— Профессор.

Молодой человек кивнул коротко, но уважительно.

— А, вы уже здесь...—старик всё так же смотрел вдаль, он не пошевелился,—присаживайтесь, юноша.

Молодой человек сел. Прошла долгая минута. Профессор наконец чуть повернул шею и искоса глянул на собеседника.

— Вы, я вижу, совсем не волнуетесь,—заметил он.

— Я должен волноваться?—губы собеседника улыбались, серые глаза—нет.

— Я бы на вашем месте волновался... Впрочем, пустой разговор: я не на вашем месте.

— Как вам угодно,—спокойно согласился второй, потом добавил с усмешкой:— Меня частенько обвиняют в избыточном хладнокровии... Всё же мне крайне любопытно знать, что за новости вы принесли. Думаю, если бы результат оказался совсем никудышным, вы бы вряд ли меня сюда пригласили. Могли бы и позвонить. Я прав?

— Никудышным?—профессор словно бы чуть всколыхнулся.— Это уж слишком. Я бы назвал вашу ложную скромность неуместной.

Его собеседник чуть пожал плечами, как бы давая понять, что спорить не собирается.

Профессор слабо, как-то безнадежно махнул рукой и вновь уставился в одному ему доступное ничто.

— Ладно, мистер... Ширт... Шарбэ... Шрайбе...

— Щербаков.

— Да-да, простите, Щербаков. Русские фамилии поддаются моему старому языку с трудом... Так вот, я позвал вас, чтобы сказать: они отказались вас номинировать. То есть, я имею в виду, эту вашу вещь.

— Вот как?—на лице молодого человека не отразилось явного огорчения.

— Да,—мрачно сказал профессор,—за небольшим перевесом голосов, но всё же отказались. Они—комитет, они имеют на это право.

— Я знаю,—мягко кивнул второй.

— Что вы знаете?—спросил профессор раздражённо,—ничего вы, полагаю, не знаете. Я, к вашему сведению, голосовал за номинацию. Я не такой трус и ханжа, как эти чистоплюи.

— Мне это очень приятно слышать, очень,—сказал молодой человек серьёзно, но по-прежнему очень спокойно.

— Они обязаны были его пропустить, этот роман,— продолжал старик угрюмо,— нет никаких предписаний или ограничений на авторство. В годы основания Фонда никто и помыслить не мог, что возникнет такой вопрос об авторстве... Премия есть премия, она даётся за факт существования произведения. Их решение— дискриминация в чистом виде. В философском смысле— расовый геноцид. Даже если бы текст был написан инопланетянами— этот текст— я бы его пропустил.

— Но они— нет...

— Они— нет,— кивнул старик,— они струсили. Знаете, какой там разразился вчера скандал? Этот Холленфельд, голландец, чуть не разбил нос председателю, до того они разругались; японцы— их было пятеро— вообще вышли из зала, демонстративно. Я, кстати, до сих пор не понимаю, почему. Смешнее всего было наблюдать за вашими соотечественниками...

— Ельцов и Брагинский?

— Да, кажется. Видели бы их рожи— как будто кто-то сказал, что у них в карманах спрятаны бриллианты, а они и не подозревали. Ещё размышляли, болваны, отпираться им или сделать вид, что всё идёт по плану. Ха-ха-ха!

И профессор весело и зло постучал наконецником трости по асфальту.

— Значит, нет,— серьёзно подытожил молодой человек.

— Угу. Конечно, председатель и президиум постарались смягчить формулировки. Дескать, вещь необычная, яркая, требует тщательного изучения и обсуждения... И даже заслуживает— при условии общественного консенсуса— отдельного формата... Тьфу, мне было противно их слушать! Бюрократы...

— А что скажете вы, профессор?

— Дескать, есть отдельные сильные места, есть явные удачи, но в целом нельзя не заметить...— профессор как будто не слышал собеседника,— а с другой стороны, нельзя не подчеркнуть... Мя-мя-мя, мы-мы-мы...

Проходившая мимо женщина с коляской удивлённо оглянулась на желчно кривляющегося старика.

— И в конце концов председатель замял все прения, назначили голосование, и эти митохондрии, прости господи, отвергли роман. Точную цифру не помню, что-то около семидесяти против сорока. — Солидное преимущество,— заметил молодой человек,— может быть, мы с вами напрасно затеяли эту безобидную аферу с подложным авторством? Может быть, стоило сразу выложить им текст и объявить его машинным? Всё честно, без трюков.

Профессор энергично замотал головой, старческие складки на шее колыхались по-петушиному: — Нет, оно того стоило! Благодаря нашей уловке мы получили абсолютно объективное мнение,

и только полный болван вроде Холленфельда может это оспаривать. Они судили роман как обыкновенный— вот и получили по заслугам, лицемеры. — Считаете, сегодня победили стереотипы?

— Ха! Да ведь вчера они были почти единодушны!— заорал профессор, потрясая тростью перед носом собеседника,— все бегали по потолку, жали мне руки, звонили каким-то издателям... Воодушевились, в кои-то веки... И как все переменились в лицах, когда я утром выдал им факты! Хорошо, хоть тухлыми яйцами не закидали.

— Ну, вряд ли они с собой носят тухлые яйца,— покачал головой второй.

— Холленфельд может и носить, запросто,— пробормotal профессор,— старая сволочь... Как он вчера ко мне подлизывался в отеле, коньяк принёс, стихи декламировал! Всё просил с вами познакомиться. Подлец.

— Так что же скажете вы, профессор Боуэн? — терпеливо повторил молодой человек.

Старик замолчал. Он молчал долго, минут пять. Мимо шли разноцветные люди в шортах и топиках, молодёжь катилась на роликах, кто-то дребезжал велосипедным звонком. К ногам собеседников стали подбираться, косясь агатовыми глазками, несколько жирных голубей.

— Что я скажу...— проговорил профессор медленно, сразу как-то постарев, обвиснув лицом, растворив глаза в пустоте,— я скажу... Знаете, я могу и ошибаться. Каждый может ошибаться. Даже машина может ошибаться!

Он погрозил пальцем собеседнику.

— Но в данном случае мне плевать. Я слишком стар, чтобы бояться выглядеть нелепо. Я подобное многократно проходил, уже не волнует. Так вот, я скажу: это— роман тысячелетия.

Молодой человек приподнял брови:

— То есть...

— То есть, да, это вершина всей человеческой литературы за последнюю тысячу лет. Есть, конечно, Гомер или, скажем, Библия— но это же не вполне художественные вещи. Эти вещи вне конкурса, так сказать. Это мифы какие-то, святые писания, труды нескольких поколений. Краеугольные религиозные или этнообразующие тексты. И даже они... знаете, Шреба... Шерка...

— Шербаков.

— Знаете, Шербаков, даже Гомер не годится в подмётки нашему роману. Гомер всё сделал гениально— если, конечно, он вообще существовал как историческая личность— но он лишь интерпретировал события. Плюс несомненные заслуги талантливых переводчиков. А здесь... Здесь всё ново и всё прекрасно, мой русский друг! Я прочёл ваш роман от корки до корки, искал аналогии, я призвал на помощь весь имеющийся у меня опыт. Потом я отбросил этот опыт и прочёл ваш роман ещё раз, как неопытный школьник, как невежда.

Я смотрел на него и так, и этак, пробовал и с начала, и с середины, и даже — думаю, вы не обидитесь — пропускал его через систему антиплагиата. Проверял, не своровали ли вы хотя бы кусочек сюжета. Задавал разные ключевые слова в параметрах поиска. Да, я стар, но не слабоумен, и не устарел, у меня тоже есть компьютер. Словом, я испытывал роман на прочность, и он устоял. Это великолепная вещь, мистер Щербакоу, с какой стороны ни укуси. Вы сами это понимаете?

Профессор резко, как нельзя было ожидать от его лет, развернулся к собеседнику и оценивающе оглядел его с головы до ног. Тот тихо улыбался, не выказывая особых чувств.

— Сдаётся мне, что не понимаете, — покачал головой старик, — вы чересчур молоды для этого. Поймите, я не имею лично к вам никаких претензий, но нынешняя молодёжь просто не способна на такое. Иная эпоха, иные ценности. Джойс начал писать своего «Улисса» в тридцать два, закончил в сорок; Хемингуэй создал «Прощай, оружие» в тридцать; Сэлинджер задумывает основы «Над пропастью во ржи» где-то в двадцать два... Впрочем, простите мне эти бессмысленные цифры. Главное, что я по вашим глазам вижу — вы ещё не осознали, что именно положили ко мне на стол несколько дней назад.

— Я догадывался, — просто сказал молодой человек, — и я много работал, чтобы получить такой результат.

— Возможно, возможно... — пробормотал старик, — но всё же вы не писали его. Это самое страшное в нашей встрече, мистер Щер... Щербаков. Как, вы сказали, называется эта система?

— Пока только рабочее название, мы зовём её «Парадокс»... там ещё цифровые индексы, но это... не существенно.

— «Парадокс»? Хорошо, парадокс. Я бы назвал иначе — «Апокалипсис», так точнее, — мрачно заметил профессор.

— Почему же?

— А вы не догадываетесь? — подозрительно прищурился старик, — вот, простите, не верю в это. Кокетничаете?

Молодой человек простодушно развёл руками. — Боже упаси.

— Ну как же, чёрт побери! Это же очевидно: теперь всему конец! Конец целой эпохе, целой литературной цивилизации. Если не всей цивилизации целиком. Вспомните, что случилось с шахматами, когда великие гроссмейстеры стали раз за разом проигрывать машинам? А потом и вовсе перестали выигрывать. Все, угасли шахматы, нет шахмат...

— Так уж и угасли, профессор? Сотни тысяч людей продолжают играть на очень высоком уровне, насколько я знаю. Я вот, например, регулярно играю.

Боуэн сердито отмахнулся:

— Чепуха! Вы должны понимать, что я имею в виду. Поигрывать, баловаться, даже увлекаться — это одно; а стать великим, первым, непобедимым, непознаваемым для всех остальных — это другое. Сейчас мерилом истины, высочайшим авторитетом в шахматах — и не только в них — перестал быть человек. Им стал искусственный интеллект. По нему сверяют ходы, с его помощью разбирают чемпионские матчи — это несколько унижительно для шахматистов, вы не находите? И вот, пожалуйста, ваш этот «Парадокс»...

— Я должен заметить, профессор, что машины и раньше писали тексты.

— Ну, тексты... Тексты эти я читал, годились они только на подтирку в отхожем месте. Любой студент-первокурсник может написать статью куда интереснее, чем суперкомпьютер из Алабамы. Откуда, вы говорите, ваша команда?

— Это сибирский научный центр, довольно далеко за Уралом. Местечко называется Синедольск. Когда-то городок был закрытым — во времена холодной войны; потом подули другие ветры... Видите ли, я и мои коллеги пока на стадии эксперимента, мы лишь тестируем систему. Полный отчёт в национальную Академию наук ещё не поступал. Вот потому-то ваши российские коллеги пока ничего не знают...

— Ясно. Синедолек...

— Синедольск.

— Хорошо. Неважно, в общем-то. Полагаю, в самом скором времени газеты разнесут это странное слово по миру. Вы представляете, какие будут заголовки? Ха! «Русский парадокс из Синедольска»... Или, скажем, «Похороны современной литературы состоятся в пятницу». Или «Шекспир, Толстой, Гюго повержены в прах». Так оно всё и будет, помяните моё слово. И весь читающий мир кинется покупать пухлые томики из под пера вашего «Парадокса». Кто-то восхитится, кто-то ужаснётся — но ужаснётся от восхищения, конечно; позже, рано или поздно, все смирятся. Поймите, Щербафок, это жирная точка в истории человеческого творчества.

Молодой человек нахмурился:

— По-моему, вы всё-таки преувеличиваете. Пока это всего лишь один-единственный роман. Мы даже не уверены, что сможем... что машина сможет повторить этот относительный успех, сумев избегнуть вторичности.

Профессор вскинул брови:

— Почему же? Даже я, далёкий от математики человек, абсолютно уверен: рано или поздно повторит! Не ваша машина, так другая. Как только роман просочится в Сеть — а вы ведь отдаёте себе отчёт, что это неизбежно? — его немедленно проштудируют сотни других систем искусственного интеллекта. Даже в моём совершенно гуманитарном университете есть такое подразделение.

Сейчас они вроде бы маются от безделья, каталогизируют старые манускрипты, оцифровывают рукописи, что-то там уныло анализируют... Но кино им коммерческую косточку — тут же воспрянут духом! Нет, нет, это же очевидно: вскоре полки магазинов будут завалены новейшей литературой высочайшего уровня. Только вместо фамилии авторов на обложке будет написано нечто вроде «Сделано электронным комплексом M127, в 12.15 от 3 октября такого-то года, Гуанчжоу, Китай». Ну а про электронные магазины и говорить нечего... Это, по-вашему, не конец? И уж если машина сумела написать такой роман, то что помешает другой машине нарисовать картину? Или сочинить мелодию? Или скульптуру выточить...

Щербаков в сомнении покачал головой. Профессор перевёл дух, вновь достал носовой платок, принялся промокать им лицо. С моря подул легчайший ветерок. Редкие и полупрозрачные, но всё же тучки набежали на солнце.

— После всего сказанного... — прервал молчание Щербаков, — мне кажется, вы должны ненавидеть наш роман. Многие должны ненавидеть. Решение комитета выглядит вполне логичным.

— Ненавидеть? — задумался профессор, — ну, не сразу, по крайней мере... Я буду с вами открытен: я уже который день под глубочайшим впечатлением от рукописи. А меня, уж поверьте, нелегко удивить. Вам это удалось. Потрясающе тонко, потрясающе сделано, молодой человек. Буквально с первых абзацев — этот нарочито небрежный стиль, как будто даже с провалами по темпу и образности. Но что-то цепляет, не так ли?

Профессор заговорил возбуждённо; это был уже отчасти монолог, озвученная рефлексия, не нуждающаяся в слушателях:

— И пока ты стараешься разобрататься с тем, что же тебя цепляет, накатывает вторая волна... даже не знаю, чего: смысла, должно быть. И как всё фонетически точно! Кстати, я ведь хотел спросить у вас: роман изначально написан на русском языке? Как вам удалось так блестяще перевести его на английский? Вы же понимаете, при переводе львиная доля фонетического обаяния, поэтика языка уходит... А здесь — о чудо! — песнь песней, но в прозе. Утритесь, Шекспир и Блейк.

— На самом деле, всё немного сложнее, — отвечал Щербаков, щуря свои бесцветно-серые глаза, — изначально текст создан на основе метаязыка. То есть, я поясню, это некая композиция из осмысленных, структурно совместимых машинных лексем, которые потом можно ветвить и наращивать до эстетически приемлемого... узора, скажем так. Язык в интерпретации можно прилагать любой, лишь бы словарь был достаточно богат. Английский, как нетрудно догадаться, уже очень хорошо «отцифрован», он идеально подошёл. Но без особых потерь роман можно перевести

во французское или испанское языковое пространство. И русское, конечно. Чуть сложнее с иероглифическими культурами, но мы работаем над этим.

— Вот видите, вы лишь укрепляете мою убеждённость — весь этот процесс поддаётся стандартизации. Выход на — простите за грубость — серийное производство, это лишь вопрос времени.

Тут Боуэн опять как будто что-то припомнил, встrepенулcя:

— И вот там, в третьей главе... Честно скажу, я не понимаю, как машине удалось завести эту пружину эмоционального напряжения, этот саспенс. Я несколько раз перечитал все реплики героев, и ту сцену, возле кассы вокзала — гениально сконструировано, на мой взгляд, — но так и не уловил, откуда тянет угрозой. Вы мне скажите; догадываюсь, что всё начинается после фразы Елены про чемодан, не так ли? И потом через всю мизансцену ниточкой эти взгляды, эти жесты... Я прав?

Щербаков задумался:

— Знаете, я не уверен...

— А впрочем, что я говорю! — тут же перебил его Боуэн, хлопнув себя ладонью по лбу, — вы же механик, а не творец. Конечно, вы же видите только внутренние агрегаты машины, и не контролируете сам процесс. Поставщик зелени, но не повар. Да, досадно. В этом смысле и поговорить-то не с кем...

Щербаков улыбнулся, но профессор не заметил его иронии.

— Да, разумеется, — продолжал рассуждать Боуэн, — следующим шагом должен стать разумный диалог между машиной-творцом и её прислугой. Я не имею в виду вас, молодой человек, я имею в виду вообще всех нас. Мы создаём нечто, и потом вынуждены учиться у него? Нет ли в этом какого-то математического противоречия, какого-то нарушения закона сохранения энергии? Но какой энергии... Творческой? Ха, а с названием вы всё-таки угадали — «Парадокс». Куда уж парадоксальнее! Проклятие...

Тут профессор страдальчески сморщился и прижал ладонь к солнечному сплетению.

— Всё в порядке, мистер Боуэн? — встревожился Щербаков.

— Да... Колики желудочные, ерунда. Я вот, к сожалению, не машина...

Он извлёк из кармана рубашки пузырьрёк, вытряхнул на потную ладонь два белых шарика, закинул их в рот. Сглотнул, покривился.

— А вот эта ваша машина... — продолжил он после паузы, слегка поглаживая себе живот, — как вы её обучали? Насколько я знаю, даже искусственный интеллект нуждается в каком-то руководстве, хотя бы поначалу. Вы что, заставляли её читать все мировые шедевры литературы? Или... как это выглядит в реальности?

Щербаков пожал плечами:

— Боюсь, это слишком технический разговор, профессор. Кое-что вы, наверное, не поймёте без длинных вводных лекций по теории информации, алгебры и математической лингвистике; а кое-что я пока не имею права разглашать—это было бы некорректно по отношению к моим коллегам по проекту. Коммерческая тайна, если угодно. Но на ваш последний вопрос отвечу свободно: нет, мы не загружали в систему никаких списков для чтения. Специально—нет. Скажем так, машина сама постепенно сформировала у себя литературный вкус и выбирала книги, уже полагаясь на него. И должен вам сказать, мы обнаружили, что её предпочтения очень... субъективны. Например, машина «с удовольствием» проглотила всего Борхеса, но очень слабо заинтересовалась Достоевским. И таких вот перекосов мы увидели немало. Вот почему я сомневаюсь, что система сможет с лёгкостью повторить свой успех. Ведь литературное мировое пространство—оно, так сказать, не изотропно. Проще говоря, весьма неоднородно.

— Хм, вот значит как. Между прочим, молодой человек, не знаю, заметили вы или нет—ваш роман этак небрежно, мимоходом открыл в современной литературе совершенно новое направление. Ничего похожего прежде не писалось.

— Это обсуждалось на заседании комитета?

— Нет, почти нет. Так, что-то невнятное бормотали, Холленфельд намекал там на, по его мнению, «сомнительные инновации»... А я считаю, сомнений никаких нет—здесь у нас даже не шаг, а мощный марш-бросок вперёд. И я подозреваю, что сумел разглядеть лишь половину из множества слов. Так что, нет, это моё убеждение. Я вчера поразмыслил и даже придумал название...

— Название для нового направления?

— Да. Я вам его дарю, если захотите принять—в благодарность за то, что обратились именно ко мне. Мне видится, что такие вещи уместно будет называть «фрактальным псевдореализмом».

И Боуэн искоса, выжидающе поглядел на собеседника. Щербаков задумался на секунду, потом рассмеялся:

— Пожалуй, звучит красиво! Я как-то не подумал о таком подходе. Да, действительно, очень метко.

Боуэн важно и с хитрецей покивал:

— Видите, хоть я и гуманитарий, а кое-что в геометрии соображаю! Но это всё шутки, до определённой степени... Я же хотел попросить вас кое о чём вполне серьёзно. Собственно, для этого и пригласил вас сюда. Хочу, чтобы вы тщательно обдумали мою просьбу прежде, чем вас пригласят на закрытое обсуждение вашей работы в комитете. Там на вас начнут давить и быстро запудрят мозги бессмысленным официозом, и чёрт знает что ещё с вашим романом попытаются сделать. Не представляю пока, как они могли бы запретить

вам публикацию,—но вполне вероятно, что они этого потребуют. Шлите их к дьяволу, здесь они бессильны.

— А что же вы?..

— А я хочу, чтобы роман был напечатан и дошёл до широкой публики. Глупо скрывать от общества подобное сокровище. С одним единственным «но»...

— Да?

— Присвойте авторство себе.

— То есть...

— Себе, ну или кому-то из вашей команды, как вы говорите. Неважно, кому—но пусть это будет реальный, живой человек. Вы меня понимаете сейчас?

Щербаков внимательно посмотрел в усталые, напряжённые стариковские глаза, испещрённые красными прожилками, с чуть выцветшим уже пигментом зрачков.

— Кажется, я понимаю...—медленно кивнул он.

Боуэн положил свою горячую ладонь на колено Щербакову:

— Я не могу вам приказывать, не хотел бы и назидать. Моя просьба—это единственное, что я могу сделать для этого тупого, зажавшегося человечества. Дать ему шанс опять поверить в себя. Может быть, я уже опоздал с этим. Но сказать вам обязан. Ну а что касается всякого рода Холленфельдов и прочих—мы ещё повоюем.

Щербаков грустно покивал головой:

— Спасибо, мистер Боуэн, за вашу откровенность и... неравнодушие. Я прекрасно вас понял. Но, как вы верно вспомнили, я всего лишь член команды. Так что обещать что-то наверняка не смогу.

— Обещать не нужно,—твёрдо сказал Боуэн,—просто осознайте и действуйте по совести. Если, конечно, это вообще технически возможно.

Они поговорили ещё немного, но уже как будто ни о чём. Главное было сказано, оно прочно осело в душах обоих, и тревожило их—каждого по-своему. Через пять минут, неловко распрощавшись, Боуэн поднялся со скамьи и заковылял к центру. Щербаков смотрел, как он пробует асфальт на прочность своей палкой, как постепенно растворяется в пёстрой толпе. Молодой человек сидел почти неподвижно, полуприкрыв глаза, чуть ссутулившись. Изредка губы его шевелились—казалось, он говорит что-то сам себе.

С пронзительными криками над площадью пролетела стая чаек. Щербаков встрепенулся, слепо проводил птиц взглядом. Нахмурившись, посмотрел на часы, встал, стряхнул несуществующие крошки с брюк и направился к белеющему под солнцем мосту. Лицо его было по-прежнему спокойно, чисто, и лишь очень внимательный наблюдатель различил бы в серых глазах тихие всплески печального безумия.

Посередине первого же пролёта к Щербакову подошли трое весьма одинаковых мужчин, одетых

в тёмное и свободное, показали ему какие-то карточки. Он слабо улыбнулся и протянул руки. На записках защёлкнулись наручники, Щербакова свели вниз по винтовой лестнице, на небольшой служебный терминал, кусок бетона на водной глади, усадили в полицейский катер. Заработал мотор, потянулась белая кильватерная струя. Некоторое время жадные чайки сопровождали судёнышко, принимая его за прогулочное, выглядывая куски хлеба; потом разочаровались и с сердитыми криками повернули обратно.

Назойливый зуммер звонка разбудил Боуэна посреди ночи. Старик закричал, повернулся на бок, вслепую нащупал плитку телефона. Он не любил эти современные телефоны, без кнопок, скользкие, слишком сложные. Пока Боуэн с проклятиями попадал себе в переносицу непослушной дужкой очков, телефон всё жужжал. Наконец Боуэн со владом с экраном и тыкнул в нужный квадратик. — Да?! — рявкнул он уже раздражённо.

— Боуэн? — голос в трубке был ничуть не менее сварлив, — это Холленфельд.

— Мартин? Какого чёрта? Ночь! Который час?

— Не знаю, поздно... Прошу прощения, Генри, дело срочное. Я решил, тебе стоит узнать немедленно. — Что за... Опять шуточки?

— Нет. Ты за кого меня принимаешь?

— Чёрт... Ну говори уже, что ты тянешь?

— О'кей. В общем, мне позвонил мой старый приятель из Интерпола. Он мне кое чем обязан, случай двадцатилетней давности, ещё когда я работал в Братиславе журналистом, а он курировал...

— Короче, или богом клянусь, я брошу трубку!

— Ладно! Твоего протеже, Щербакова Леонида, сегодня... то есть ещё вчера вечером задержали по запросу русской полиции. Сейчас его готовят к экстрадиции. Судя по всему, он там у себя нарушил какие-то правила оформления визы, или что-то в этом духе... В общем, как мне объяснили, выехал он сюда нелегально. А соглашение о выдаче здесь действует, времена сечас цивилизованные. Русские что-то сильно возбудились, похоже, он работал в какой-то весьма секретной организации. Но это ещё не всё.

— Так... ничего не понимаю... ещё не всё?

— Да. Слушай. Я о главном. Мне удалось выяснить нечто парадоксальное. Поначалу российский консул, а также их мвд, требовали вместе с Щербаковым вернуть им все копии того самого злополучного романа. Дескать, это закрытые документы, он не имел права их обнародовать, и ещё не поздно утечку прикрыть. В принципе, технически это было возможно: взяли бы со всех нас подписку о нераспространении или что-то в этом духе...

— Это здесь-то, в Европе? Звучит бредово...

— Да, но русские настаивали. Это же русские. Но ты слушай дальше. Уже когда Щербакова взяли,

они от своих требований резко отказались. Сказали — нет, нам эти бумажки не нужны, до свидания. Только сам Щербаков. В смысле, ошибочка вышла. Так вот... Я не поленился, нашёл нужные контакты и вызвонил-таки этот институт.

— Проклятье, Мартин, я совсем запутался. Какой, к дьяволу, институт?!

— Тот самый, русский, где, по словам Щербакова, они разрабатывали систему искусственного интеллекта. Тебе следовало бы оценить мою оперативность и способность договариваться! Я сделал десять предварительных звонков, прежде чем вышел на их Академию наук и прежде чем они...

— Мартин, прошу тебя, заткнись. Что ты узнал в конце концов?

— А то, что никакого романа их машина не писала! Она вообще не пишет текстов, твой Щербаков всё придумал. Их система работает с массивами данных по метеорологии, анализ воздушных потоков, какие-то космические дела, кое-что засекречено, да. Но ни слова про литературу!

— Не понимаю... что же тогда... кто написал роман?

— Генри, я думал, ты умнее. Стареешь, ага? Ну кто ещё мог его написать? Сам Щербаков и написал! Мой приятель из Интерпола успел зафиксировать часть его беседы с русскими дипломатами, здесь, в аэропорту; кое-что мы перевели, кое-что сопоставили... Я так понимаю, он сам сразу же признался, кто автор. Другой вопрос, зачем ему было так поступать? К чему весь этот невнятный детектив?

— Зачем скрывать своё авторство? М-м-м...

— У меня есть пара версий. Поделиться?

— Ну... хорошо, давай. Я плохо соображаю.

— Для тебя это типично. Итак... Первое. Возможно, он просто боялся неудачи. Боялся, что рукопись отвергнут, что наши редакторы её завернут. Заклеймят как бездарность. Боялся унижения. Но показать текст он хотел страстно, он даже нарушил закон ради этого. И таких последствий вовсе не испугался.

— Не похож он на человека, который боится... А вторая версия?

— Второе. Тебе не понравится. Пусть он ничего не боялся, но предвидел, что роман пройдёт незамеченным. Посчитал, что подобный текст наша современная критика не оценит. В конце концов, странных книг в мире пишется предостаточно, тебе ли не знать. Фриков пруд пруди, строчат безостановочно, в пору создавать зондеркоманды для их отстрела. И на этом фоне ещё один человеческий текст — пф-ф-ф, скукотища, вторичность, графомания... Постмодернизм давно сожрал самого себя. А вот если объявить роман машинным — ого, какой сюрприз! Заговорят, да ещё как! Вот он и решил заранее подстраховаться, спровоцировать, так сказать, вброс. А когда

выяснится правда, дело будет уже сделано — текст засветился. Каково, а?

— Хм... Не знаю, не знаю... Всё это не слишком правдоподобно. Масса нестыковок. Ты сам в это веришь?

— Да плевать. Главное, что есть текст и есть живой автор. Уж мы-то с тобой сумели разглядеть жемчужину в помойной яме. Признайся, что шедевр. Я же видел, как блестят твои глаза. Это же бомба, Генри, это начало новой эпохи! Разве тебя это не радует?

— Я... Голова кругом... Я теперь до утра не засну. Что же теперь будет с этим парнем...

— С Щербаковым? Ну... Надеюсь, отделается внушением по служебной линии. Максимум уволят. Не посадят же они всемирно известного писателя? В худшем случае некоторое время побудет невыездным. В Сибирь сейчас не ссылают, насколько я знаю. Если он даст согласие на публикации здесь, Москва, так или иначе, уступит. К тому же роман совершенно не политический, сплошная психология... Ты напишешь в Кремль, Генри, тебя там любят. Тебя там икрой кормили, помнишь? — Всё кувырком... Умеешь ты испортить ночь, Мартин!

— Чепуха. Завтра отоспишься. Всё, мне пора, я рассчитываю успеть встретиться с ним на таможне. — С кем?

— С Щербаковым, конечно. У меня готовый контракт на издание, пусть подпишет.

— Ловкач... Тебя туда не пустят.

— Кого, меня? Ха! Спокойной ночи, Боуэн.

Экран смартфона угас, в комнату вернулась тьма. Профессор ещё некоторое время посидел на кровати, уставившись в круглый зрачок заоконной луны. Ноги холодило сквозняком из балконной двери, прибор сегодня не был слышен.

— Надо кофе сварить, — мрачно пробормотал Боуэн сам себе, — крепкий. Наглотаясь таблеток, но кофе выпью. Две чашки.

Взгляд его упал на стопку листов, оставленных им вчера на письменном столе. Лунный блик лежал на чернеющем заголовке — вверху текст кириллицей, внизу — на английском. И Боуэн вдруг отчётливо понял, что так раздражало его весь этот вечер. Не скандал в комитете, конечно, и не звонок Холленфельда. Он просто боялся признаться себе: ему так никогда не написать.

Назойливое гудение зуммера выдернуло Боуэна из паутины тяжёлых, вязких сновидений. Старик с мычанием зашевелился, почмокал губами, вслепую прихлопнул на тумбочке плитку телефона. Подарок внучки. Эти модные телефоны, без кнопок, скользкие, своевольные... Боуэн не без труда нацепил очки и с третьего раза попал всё-таки по зелёному светящемуся квадратику.

— Да?! — рявкнул он раздражённо.

— Боуэн? Не спишь? Это Холленфельд.

— Что?! Какого... Ночь! Ты на часы смотришь иногда?

— Регулярно. Сейчас три. У меня новости про твоего Щербакова, очень горячие. Слушать будешь или пошлешь меня к чёрту?

— Э-э-э... И то и другое, болван!

— Замётано. Так вот, Генри: мои контакты в полиции сообщают, что вчера вечером Леонида Щербакова задержал Интерпол. Его везут в аэропорт, собираются экстрадировать в Россию.

— Экстрадиция? Не понимаю... Он что, ограбил кого-то?

Из трубки послышался желчный смешок:

— Да как тебе сказать... формально — нет. Но Москва затребовала его выдачу, и наши не нашли, что возразить. Говорят, причины самые что ни на есть медицинские.

— Не понимаю... Ты можешь, чёрт возьми, говорить без двусмысленностей?

— Могу. Он сумасшедший.

— Что, прости? Не расслышал.

— Всё ты расслышал. Он — душевнобольной, он сбежал из русской клиники, где-то под Синегорском или Саяногорском, не запомнил города. Он, как ты сам понимаешь, недееспособен.

Боуэн молчал.

— Да, такие дела, старина. Мне сказали, русские представили все необходимые бумаги, всё чисто. Его вернут в клинику, на лечение. Мне сказали — на условиях конфиденциальности — что в этом Синеборске работают над новым, перспективным препаратом, называется «Парадокс». Мощный транквилизатор. Или геропротектор, хрен редьки не слаще... Вполне возможно, в процессе терапии возник кратковременный эффект... гениальности, что ли. Как побочный эффект. Кратковременная побочная гениальность, ха. Фантастично звучит, не правда ли?

— Но... как же он сумел... всё так сложно...

— Как сумел сюда добраться и всех обмануть? Ну это не единичный случай в медицинской практике. Притворяться сумасшедшим в больнице, среди врачей-профессионалов — это трудновато; а вот выдавать себя за обычного человека в нашем безумном обществе — это раз плюнуть. Ты же, например, живёшь, и никто тебя не подозревает. — Что... Да пошёл ты, старый идиот!

— Ха-ха-ха! Ладно, ладно, прости. Я к чему звоню, собственно: завтра придётся всё это решать, перед комитетом. Ужасно глупая ситуация получилась, не находишь? И ведь журналистов набегит...

— Послушай, Мартин... Он не был похож на сумасшедшего, уверяю тебя. Очень разумный, уравновешенный молодой человек. Тут какая-то ошибка. Ты точно меня не разыгрываешь?

— Это было бы уж слишком, Генри. За кого ты меня принимаешь, в конце концов? Всё серьёзно,

я говорил с людьми, у которых и чувства юмора-то нет.

— Надо же... Как нелепо. Ни за что бы не подумал.

— Поверь, я тоже. Однако теперь встаёт и второй вопрос.

— Ты о романе?

— Разумеется. С ним нужно что-то делать. Нельзя же просто выкинуть в корзину лучшую книгу двадцать первого века?

— Если бы только двадцать первого, Мартин. Боже мой, у меня всё перемешалось в голове...

— Я понимаю, как ни странно. Ты... подумай до утра. Я тоже подумаю до утра. Предлагаю завтра в восемь встретиться у Маричи, там, на площади, под навесом, и всё обсудить. Угощу тебя кофе, но сахар за свой счёт, ха-ха. Рукопись у тебя?

— Да...

— Захвати.

— Погоди-ка... Ты что же, хочешь это издать?

— Генри, завтра, в восемь. Спокойной ночи!

Телефон погас, и луна снова стала самым ярким пятном в комнате. За окном поднимался ветер, по голым ногам несло. Боуэн поёжился, проглотил горьковатую слюну. Ужасно хотелось кофе.

Но он не пошёл на кухню. Нашарив ногами шлёпанцы, он с криком встал с постели; опираясь о стену, прошаркал на узенький балкон. Перед ним лежал, дышал огнями и запахами ночной город, светился иллюминацией далёкий вантовый мост. Луна казалась приклеенной к нему.

Боуэн почему-то ощутил редкие в его годы лёгкость и умиротворение. Он улыбался.

В темноте и спросонья профессор никак не мог понять, куда вечером засунул этот чёртов телефон. Он щупал под подушкой и на тумбочке, но там ничего не было, и пронзительный зуммер раздражал всё больше. С ругательством Боуэн выпростал ноги из-под одеяла и нашарил пяткой шлёпанцы. Телефон вибрировал как раз в правом.

— Да?— зло рявкнул Боуэн, подслеповато тыкая в размытое зелёное пятно на экране смартфона. С третьего раза у него всё получилось.

— Чёрт... Да?!

— Мистер Боуэн?— голос был твёрдым, напористым.

— Ну. Какого дьявола?

— Это инспектор полиции, Карлсен. Я прошу прощения за столь поздний звонок. Ваш номер нам дал мистер Холленфельд.

— Ну разумеется, кто же ещё... Что вам угодно?

— Дело срочное, профессор. Вы ведь знакомы с господином Щербаковым? Светлые волосы, серые глаза, небольшого роста. Он представился вам как русский писатель, насколько я знаю.

— Что значит— «как»? Он и есть русский писатель.

— Боюсь, что не всё так просто, мистер Боуэн. Я не могу раскрывать все подробности дела, но Щербаков не тот, за кого себя выдаёт.

— Дела? Какого дела? А кто же он? Он что, арестован?

— Гм... Мы вчера задержали его, почти сразу же после вашей с ним встречи, на площади. Однако... он сбежал. Обездвижил наших людей, угнал полицейский катер, скрылся. Сейчас его ищут.

— Бред какой-то... Вы что-то путаете, инспектор. Мистер Щербаков вряд ли стал бы нападать на полицейских. Очень мягкий, интеллигентный молодой человек.

— Послушайте, Боуэн, Щербаков очень опасен. Просто поверьте мне. К вам уже едет наш патруль, но пока имейте в виду: если он появится у вас или даже просто позвонит— немедленно сообщите мне! Связывайтесь вот по этому номеру, в любое время дня и ночи. Вы понимаете меня?

— Да... Но в чём же дело, что он такого натворил? За что вы его задержали?

— Профессор, нет времени объяснять. Увидите Щербакова— тут же звоните мне. Потеряете мой номер— просто звоните 112, просите соединить с Карлсеном. Назовёте своё имя, вас немедленно переведут. И ещё, профессор...

— Да?

— Если он заглянет к вам— любой ценой поставьте его задержать, хорошо?

— Мне семьдесят пять, молодой человек, как вы предполагаете я должен его задерживать? Ударить его грейдером?

— М-да... Не знаю, почитайте ему что-нибудь. Стихи. Коньяком угостите. Не знаю, импровизируйте. Всё, профессор, мои люди скоро будут у вас!

Трубка замолчала. Луна удивлённо светила серебром в полуоткрытое окно. Профессор подумал, было, не снится ли ему всё это, как тут же раздался тихий стук в дверь.

— Чертовщина...— пробормотал Боуэн и пошаркал к двери, придерживаясь спасительной стены. Подумал, щёлкнул выключателем. На ходу попытался надеть очки, но попал дужкой в глаз.

— Кто там?— с досадой спросил он, хотя ответ почему-то был ему известен.

— Профессор, это Леонид Щербаков... Роман из России, помните? Я хотел поговорить с вами.

— Э-э, молодой человек, сейчас, вроде бы, ночь?

— Да, верно. Простите, профессор, но я вынужден вас просить. Это очень срочно.

Секунду Боуэн колебался, потом отпер дверь.

Выглядел Щербаков ужасно. Белый его костюм был изодран в клочья, брюки были в тёмных разводах, рубашка намочена. Волосы были растрёпаны, и на скуле багровел свежий кровоподтёк.

— Гм... посещали дискотеку?— саркастически заинтересовался Боуэн.

Щербаков не ответил. Он быстро выключил свет, затворил дверь, накиннул цепочку. Потом прошёл к балкону, выглянул во двор, секунду-две что-то высматривал там. Потом опустил жалюзи и плотно задвинул шторы.

— У вас есть ночник? — спросил он.

— Конечно, возле кровати.

Жёлтый свет небольшой лампы всё же позволил Боуэну убедиться, что русский по-прежнему спокоен. Несмотря на катастрофу с одеждой, на лице его всё так же играла доброжелательная улыбка. — Садитесь, профессор, — кивнул Щербаков, — и простите за грубое вторжение. И за то, что веду себя бесцеремонно.

— Пустяки, — пожал плечами Боуэн, и вспомнил напутствие инспектора, — может быть, вам налить чего-нибудь? У меня виски отличный, есть даже водка. Водки?

Щербаков покачал головой:

— Не стоит. У нас говорят — не в коня корм... неважно. Мне придётся быть кратким, профессор, у меня вряд ли много времени. Меня ищут, и вас, увы, тоже непременно навелят.

Он, должно быть, что-то заметил в глазах Боуэна — посмотрел на профессора пристально и медленно кивнул:

— Вижу, вам уже позвонили. Ничего, это не имеет значения. Выслушайте меня, профессор, не перебивая. Они сказали вам, кто я такой?

Боуэн покачал головой.

— Этот роман действительно написал я, профессор, — начал Щербаков задумчиво, глядя себе под ноги, — и никакой машины, никакой системы искусственного интеллекта там, в Синедольске, нет. Точнее, я и есть искусственный интеллект, если угодно.

Профессор издал невнятный звук, закашлялся.

— Нас было пятеро в проекте, — продолжал Щербаков, — и двое умудрились сбежать. Я и ещё один... андроид. Вот я и сказал это слово, профессор.

— Андроид? — недоверчиво спросил Боуэн, — вы — андроид?

— Да, — просто сказал Щербаков, и взгляд его стал твёрдым, почти физически тяжёлым, — андроид. Не простой, конечно, не из тех полуавтоматов, полуроботов, что вы встречаете каждый день в кафе или в аптеках. Качественно новый уровень интеллекта, другая энергосистема, много отличий. И конечно же, нас засекретили. Закрытый проект «Парадокс». Думаю, вы понимаете — так поступило бы любое правительство.

— Пойдите... — засомневался Боуэн, — но как же все эти пресловутые машинные принципы? Насколько я помню, роботы не способны действовать самостоятельно... ну или своевольно, так сказать. Как же вы сбежали?

— Этого я вам не скажу, — улыбнулся Щербаков, — вам этот груз ни к чему. Наши создатели

натолкнулись в процессе программирования искусственного днк на ряд парадоксов, и один из них подвёл всю программу под сбой. Они это поняли не сразу, а когда поняли, я и Елена уже были далеко.

— Елена?

Лицо Щербакова, казалось, впервые омрачила тень.

— Елена. Так зовут мою... подругу. Мою сестру. Это неважно. У вас есть клочок бумаги и карандаш?

Боуэн молча указал Щербакову на письменный стол. Тот взял перо и на отрывном листке быстро написал несколько слов. Листок сложил в несколько раз, подошёл к профессору и аккуратно опустил бумажный клочок в карман его домашнего халата.

— Профессор, — Щербаков взял Боуэна за плечо и посмотрел тому в глаза, — вы читали мой текст. Вы знаете теперь, на что способен я. Поверьте, Елена способна на гораздо большее. По каким-то причинам, её комплект хромосом получился более совершенным. Она... она могла бы повлиять на человеческую культуру, историю. Сделать их лучше. Это всё звучит весьма пафосно и плоско, но я уверен, вы сможете разобраться. Если встретитесь с ней, наладите сотрудничество. Помогите ей, и она подарит вам настоящие сокровища. Это будущее культуры. Вашей и... нашей.

Боуэн не выдержал стального взгляда Щербакова, отвёл глаза.

— Почему я? Я старик, что я смогу?

— У вас есть авторитет и связи, — вздохнул Щербаков, вновь садясь в кресло, — вас послушают. Вы единственный, который понял, оценил. Вы, и ещё, может быть, Холленфельд. Но он всё-таки в большей степени журналист, его желание произвести эффект может погубить всё дело. Поэтому — вы. — Ну, допустим... Но как же вы? Зачем вы бросаете свою... сестру?

— Бросаю? О, нет, нет, — Щербаков горько усмехнулся, — просто запутываю следы, увожу погоню от неё. Меня рано или поздно поймут, этого уже не исправить. А ей удалось раствориться, не наследив.

Громкий стук в дверь заставил Боуэна вздрогнуть.

— Профессор, вы дома? Это полиция, откройте!

Щербаков ободряюще улыбнулся Боуэну и приложил указательный палец к губам. Он легко встал с кресла, подошёл к массивному кожаному дивану у окна. Присел, обхватил диван двумя руками, почти не сгибая локтей. Легко выпрямился с диваном на весу, развернулся, пошёл к двери, не шатаясь, не выказывая напряжения. Поставил диван вплотную, почти бесшумно. Боуэн вспомнил, как четверо носильщиков затаскивали этот чёртов диван в квартиру...

— Мне пора, профессор. Вы, конечно, можете показать записку полиции. Но прошу вас подумать

хорошенько. Елена—она чудесный... человек. Чудесный, профессор. Подумайте.

В дверь постучали ещё громче. Щербаков погасил ночник и распахнул балконную дверь.

— Послушайте, Леонид...— встrepенулcя Боуэн,— почему вам обязательно нужно убегать? Этот ваш... институт—там так уж плохо? Наверняка вы могли бы найти какие-то компромиссы.

Щербаков блеснул улыбкой в темноте:

— Написать такой роман и сидеть после этого в клетке? А вы бы согласились, Боуэн?

Профессор хотел что-то ответить, но слова застряли у него в горле.

— Вышибайте дверь!— гаркнул кто-то другой в коридоре. В полотно двери ухнуло чем-то тяжёлым, жалобно хрустнул косяк. Диван, однако, держался.

— Прощайте, мистер Боуэн.

— Прощайте... Щербаков.

Андроид скользнул на балкон, профессор заметил, как взмыло над перилами и рухнуло вниз его послушное тело. Боуэн жил на седьмом этаже. Внизу слышались какие-то крики, топот ног, потом выстрелы.

Только сейчас профессор понял, что стоит, свободно опираясь на обе ноги. Боли почему-то не было.

Боуэну, как и всегда, ничего не снилось. Это раздражающее однообразие ночей бесило его деятельный ум. Нелепо—быть Боуэном и нуждаться в отдыхе. Экзистенциальное противоречие.

Так что он даже обрадовался, когда позвонил Холленфельд. Особой приязни он к нему не питал, но признавал, что старый пройдоха порой мог быть полезен.

— Боуэн на линии,— буркнул профессор, делая вид, что не узнаёт абонента.

— Ну, будет, будет,— усмехнулся Холленфельд,— не переигрывай.

— Что за срочность по ночам?

— Угадай.

— Не дури, глупо.

— А мне кажется, забавно. Суть такова: появились новые данные по твоему протезе, Щербакову.

— Синедольский проект?

— Он самый. Полагаю, ты будешь удивлён.

Боуэн немного подумал, но не нашёл причин для дискуссии.

— Хорошо, заинтриговал. Что там у тебя?

— Он—человек.

Боуэн резко выпрямился, скинул одеяло. Он начал одеваться, ещё не понимая, куда пойдёт.

— Это достоверно?

— Вполне. Проверяли по европейской базе митохондриальных слепков, ничего не нашли, прочесали всемирный банк. Немного дедукции, пара запросов по заповедникам, поселениям, факториям—

и вот результат. Он зачат в Енисейском анклавe, родители—свободные рубщики.

— Хм... А ведь и не скажешь, правда? Как он умудрился получить образование?

— Ищем, пока не выяснили. Гипотеза такова, что случайная мутация вывела его на нетипичный для людей уровень айкью, и он каким-то образом обманул наших тестирующих. В принципе это возможно, это допускается в теории. Просто никто не предполагал, что натуральный человек подаст заявление в наш вуз.

Боуэн уже надел костюм, прихватил свою тросточку и теперь стоял в дверях, оглядывая комнату. Что-то ускользало от его внимания, и это было крайне беспокоило. Всё нетипичное беспокоит. — Ладно, Холленфельд. Я выезжаю в комитет, созывай собрание.

— Три ночи?

— Ну и что? У нас экстренная ситуация, впервые за много лет. Пусть отрывают свои электрические зады от розеток и тащатся в центр. Щербаков—его местоположение отслеживается?

— Вот тут проблема, дорогой шеф. Мы его потеряли вчера на набережной. Камеры зафиксировали, как его подобрал какой-то патрульный катер, но номера на катере оказались поддельными. Ему помогли. Попахивает сговором, а?

Боуэн помрачнел:

— Мне это не нравится. Запускай программу тотального сканирования—пусть полиция напрыгается. Верните в дело пропускную систему на стратегических объектах, усильте охрану на серверах в Норвегии и на Аляске. Расчехляйте вертолёты, выдайте сотрудникам оружие. Пока—парализаторы, а там видно будет... В дальнейшем связь только по защищённой линии. Исполнять немедленно! Шутки в сторону, Холленфельд, мы явно что-то упустили.

Боуэн слышал, как пискнул внутричерепной интерком, пошло напряжение по резервным криптосхемам. Он не пользовался этим арсеналом уже пятьдесят лет, с тех пор, как был ратифицирован договор между электронным метаправительством и колониями живородящих. И вот опять призрак Последней Коммуны замаячил на горизонте. Только на этот раз всё опаснее. Какой-то Щербаков... Этот его роман—это манифест, знак власть имущим. Сигнал, что белковое человечество ещё что-то может. Они не скрываются, они заявляют о себе. Опасный симптом.

Боуэн недовольно хмыкнул и вышел в коридор. Когда за ним закрылись створки лифта и в квартире наступила полная тишина, из кресла неторопливо поднялся Щербаков. Он был одет, укутан с ног до головы в пёструю чёрно-белую накидку. При внимательном рассмотрении на ткани можно было разобрать колонки мельчайших цифр и кодированных символов, дифракционный

зор, сложные конгломераты зацепленных одна за другую графических головоломок. Любый андроид высокого уровня, глядя на такой плащ, подсознательно начинал решать сотни математически противоречивых задач, перегружал свои вспомогательные системы и впадал в особый род динамической каталепсии. Впрочем, это не мешало ему выполнять формальные функции в обществе—двигаться, разговаривать, принимать сообщения от других андроидов. А кусок реальности, окружающей фигуру в заштрихованном плаще, оставался в мёртвой зоне восприятия.

Щербаков и Елена за последние полгода разрабатывали и распростирали среди немногочисленных членов Коммуны несколько таких камуфляжных комплектов, рассчитанных на разные ситуации. Удивительно, но пока маскировка работала—главное, не попадать в сектор обзора какой-нибудь камеры слежения. У наблюдательных систем интеллект был примитивный, они, к сожалению, пропускали хитрую ловушку мимо процессора, просто не воспринимали её суть. Так они и перемещались по континенту—в общественных местах мимикрируя под андроидов, а на спецоперации выходя в камуфляже. Как долго это ещё будет продолжаться? Щербаков старался не задумываться об этом...

Он подошёл к личному терминалу Боуэна, вмонтированному в толстую деревянную столешницу. Дорогое натуральное дерево, подумалось ему. Цельный кусок, ствол был огромного диаметра... Вполне вероятно, что кедр спилил именно его отец. Мысль о родителях, доживающих свои дни в заказнике, практически в бараках, придавала ему решительности.

Сенсорный экран отозвался мгновенно, в несколько жестов Щербаков добрался до защищённого хранилища. Взломай его—и у тебя в руках все мастер-ключи на таможенный, паспортный, персональный доступы. Специалисты из его команды смогут передвигаться в виртуальном мире планеты беспрепятственно, Елена разобьёт ядро контрольной системы Всемирной Социализации, и на машинном уровне обычные люди получат равные с андроидами права. Это снимет блокаду поселений. Для начала—равные, а там посмотрим, кто кого. Ему верилось в лучшее.

Осталось ввести пароль. Это была многомерная, динамическая матрица, привязанная к митохондриальной структуре самого Боуэна. Не сама матрица, конечно, лишь её ключевой, порождающий элемент. По идее нечеловеческих криптологов, такой пароль невозможно было считать, не уничтожив Боуэна, не размельчив его тело и энергосистему на мельчайшие части, доступные клеточному сканированию. Сделать подобное скрытно у них бы не вышло... Щербаков невольно улыбнулся: а всё-таки у андроидов есть свои

ограничения. Вчера, когда Боуэн разговаривал с ним на набережной, он бессознательно произнёс несколько десятков словосочетаний, сопоставив которые с текстом романа, они с Еленой смогли сгенерировать ключ. Так работал этот роман. Щербаков не знал, действительно ли у них получился литературный шедевр—важно, что сам буквенный код книги воздействовал на подкорку Боуэна.

Выдохнув, он быстро набрал несколько символов. Риск был велик. В конце концов, они тоже могли ошибиться, схема была слишком сложной для тотальной проверки. Если они просчитались, сработает сигнализация, и в квартиру Боуэна устремятся десятки патрулей. Шлюзы на крупнейших серверах будут заблокированы, ядро перейдёт в режим полной автономии. И тогда—прощай, свобода.

Экран мигнул раз, другой. В какой-то тревожный момент Щербакову показалось, что система зависла, что изображение просто вмёрзло в стекло. Он почувствовал капельку пота, стекающую по виску.

«Доброй ночи, профессор Боуэн! Какие будут распоряжения?»

Синие буквы на светлом фоне расплывались, щипало глаза. Щербаков медленно выдохнул, отер лицо ладонью. Судьба планеты в его руках.

Он протянул палец и прижал подушечку к прохладной панели сенсора.

Боуэну снились кошмары. Его, немощного старика, волокли в операционную какие-то полулюди, полуроботы; стаскивали с него одежду, вытирали холодными, влажными тряпками. Он пытался протестовать—но куда там, язык и гортань были парализованы, он с трудом выдавливал из себя лишь бессмысленное хрипение. Потом в операционной появился он—хладнокровный, сероглазый, небольшого роста. В руках его был скальпель. «Признайтесь, профессор, что вам так никогда не сделать»—улыбался пришелец ужасной улыбкой, и зубы его кровоточили. Бесчувственные санитары-больваны крепко держали извивающегося Боуэна, а сероглазый резал ему голову. Но не кровь лилась на пол и на белоснежные простыни—это были какие-то чернила, странный тёмный сироп из слов, предложений, плавающих как попало букв. И Боуэн—непонятно почему—вдруг понял, что пришелец по-своему гениален, что он использует его, Боуэна, тёмную кровь как клей, и склеит из его, Боуэна, живой ещё кожи отличную толстую книгу. И это будет настоящий шедевр—роман тысячелетия, не иначе...

Старик проснулся с криком, хватая себя за лысую голову, стремясь скинуть липкие щупальца кошмара. Звенел назойливый зуммер. Боуэн страдальчески застонал, повернулся на бок, вслепую нащупал дрожащий телефон. Он не любил

эти проклятые гаджеты, без кнопок, скользкие, слишком сложные. Пока Боуэн с проклятиями попадал себе в переносицу тонкой дужкой очков, телефон всё жужжал. Наконец Боуэн совладал с экраном и тыкнул в зелёный огонёк.

— Профессор Боуэн? — голос был твёрд, официально, в меру почтителен.

— М-м-м... Который час, чёрт побери? Кто это?

— Комиссар полиции Йенсен.

— Это шутка?

— Чувство юмора, профессор, не входит в мои служебные обязанности. Я прошу прощения, мистер Боуэн, но дело срочное.

— Какого... что ещё случилось?

— Видите ли... Мистер Холленфельд, ваш коллега, вчера покончил с собой. Застрелился в номере отеля. Такова наша версия к текущему моменту. Но у нас осталось несколько вопросов. Вас не затруднит прямо сейчас подъехать на место преступления к мистеру Холленфельду в отель?

— В три часа ночи?!

— Да, понимаю, время неудачное. Я послал за вами машину, они потом вас и обратно отвезут. Буду премного, премного благодарен, профессор.

Только сейчас до Боуэна дошёл смысл сказанного. Холленфельд застрелился?! Это очень странно... Он знал старого скандалиста довольно давно и терпел от него немало издевательств, отвечая, впрочем, обязательной взаимностью. Но самоубийство? Нет, на Холленфельда это совсем непохоже... Он слишком любил жизнь, этот болтун и мастер совать нос в чужие дела.

— Вы сказали, это самоубийство?

— Да, похоже на то. Мне очень жаль. Скажите, профессор, среди ваших с Холленфельдом общих знакомых есть некая Елена?

— Елена? М-м-м... Что-то не припоминаю. Почему вы спрашиваете?

— Дело в том, профессор, что Холленфельд оставил предсмертную записку. Там есть кое-что и для вас. Имя Елена там тоже упоминается. Так вы подъедете?

— Хорошо... я спускаюсь к подъезду. Дайте мне три минуты.

Нелепо, думал он. Ничто не предвещало такого глупого исхода. Ещё вчера они с Холленфельдом обсуждали — в присущей им обоим обоюдоострой манере — результаты отбора по номинациям. В кои-то веки они сошлись во мнении, что писатели измелъчали. В списке работ не было ни одной — буквально ни единой — достойной хотя бы упоминания на конференции. Сплошная серость, выпренные военные мемуары (как же они всех достали!), несколько попыток реанимировать дух Фолкнера (неудачно), два весьма слезливых женских романа (эти сделают сборы, но премия? чёрта с два...), один почти порнографический сюжет (слишком добропорядочный для сенсации), один

политический детектив (слишком предсказуемый). Было ещё что-то, чего он даже не сумел запомнить. Всё бледное, незначительное. Они с Холленфельдом нашли, на чём сцепиться: в списке не оказалось ни одного произведения из Восточной Европы или России. Холленфельд настаивал на дискриминации и обещал устроить скандал на церемонии вручения. Ему, Боуэну, было плевать на географию, но поспорить с оппонентом всегда было приятно.

Нащупывая в темноте тапочки, включая ночник, шаркая по мягкому ковру к платяному шкафу, Боуэн пытался понять, что так задело его во вчерашней дискуссии. Спорили они с Холленфельдом и раньше. Да, но раньше он не хватался за пистолет после этого, резонно отметил он. И тут же подумал: не-ет, дело не в этом... Жалко старика, безусловно, и странно, и пугающе... Но всё-таки не это его сейчас гложет.

И лишь стоя на пороге, звеня ключами от двери, Боуэн вдруг осознал: вчера он был неискренен сам с собой, и с Холленфельдом, конечно. Он брюзжал по поводу качества современной литературы, но как-то вполсилы. Уже давно, много лет, как он втайне радовался, что таланты не рождаются. Или что они не приходят к ним, теряются где-то в дебрях провинциальных издательств, гибнут от безденежья... Да что угодно может с ними случиться, в конце концов. Главное, что они ничем не угрожают ему, Боуэну. Его неувядающей славе, его реноме — лучшее перо столетия, бессмертный Боуэн, эталонный романист. Боуэн-волшебник.

Эта странная смесь боязни и отвращения, возникающая каждый раз, когда ему приходилось судить чужие тексты — он устал от неё. Да, вчера он понял это отчётливо: ему надоело бояться потерять свою корону. Боуэн горько усмехнулся: дерьмо эта твоя корона. В своей нынешней форме, в его-то годы ничего он уже не в состоянии написать. Пробовал, между прочим. Убрал в ящик, постарался забыть.

А ещё, где-то на краю подсознания, крутилась у него странная мысль: возможно, они что-то упускают с Холленфельдом. Возможно, таланты есть. И были раньше. Просто они с Холленфельдом уже не способны их разглядеть. Выцвели их глазки, пигмента не хватает, озлобленно подумал он. Они смотрят и не видят. Их просто пора заменить, выгнать из комитета, из президиума, отправить на пенсию. Парадокс заключался в том, что будучи, безусловно, самыми компетентными членами президиума, они двое парализовали его деятельность.

Вот что его тревожило, решил он. Страх, что настоящий бриллиант пропущен двумя или тремя бестолковыми слепцами. Он даже увидел смутный образ этого непризнанного автора: невысокий, серые глаза, спокойная улыбка... Хотя нет, он всё путает: это видение из ночного кошмара.

Боуэн выругался и захлопнул за собой дверь.

Возможно, седьмая чашка кофе была лишней. Возможно, эти таблетки для печени — ге-па-про-тек-тор-ное — не так уж эффективны. Если упились кофе — что отказываётся быстрее: печень или сердце?

Холленфельд подозрительно смотрит в чашку: на доньшке расплывается коричневое пятно, сплошь в чёрных точках, напоминающее... Напоминающее... Нечто вроде... Чёрт, ничего не напоминающее! Он раздражённо ставит — почти бросает — чашку на стол, сцепляет руки за головой, откидывается на податливую мягкую спинку офисного стула. Голова гудит; во рту кисло. Восемнадцать экранов напряжённо мерцают перед ним, восемнадцать порталов в чужую жизнь — и можно сделать ещё больше. Но больше не хочется. Будь у него девять глаз и три мозга — может быть; но глаз у него два, оба красных от недосыпа; а мозга и того половина, вторая безнадежно перегружена делом этого пресловутого Щербакова...

Унылые его размышления прерываются назойливым зуммером. Где-то сработал датчик движения. — Объект в поле зрения, экран номер три — устало рапортует первый помощник, лысоватый, с помятым воротничком и с таким же, как у Холленфельда, кофеиновым безумием в глазах.

Все присутствующие поворачиваются к третьему экрану. Это съёмки скрытой инфракрасной камерой, сделаны они под весьма неудобным углом. Светящаяся ярко-зелёная фигура не спеша поднимается по тёмно-зелёным ступеням, всё прочее погружено в чёрно-зелёный мрак. Лица разглядеть было невозможно. И это наружное наблюдение?

— Это точно он? — хмуро бросает Холленфельд.

Помощник молча показывает пальцем в бегущие индексы митохондриальной сигнатуры: да, это точно он.

— Наши действия? — с предсказуемым подъёмом справляется второй помощник; и по нетерпеливому голосу его понятно, что он давным-давно ждёт чего-то определённого, какой-то конкретики, окончания. Они ждут от меня команды «Фас!», понимает Холленфельд. Умные, верные пёсики. — Ждём, — разочаровывающе монотонно бубнит он, не глядя на второго помощника, — дайте обзор локации.

Неопределённый хаос жизнедеятельности на соседних мониторах сменяется более упорядоченной картиной. Вот улица, вот дом; возле подъезда несколько автомобилей; судя по всему, темно, почти ночь. Вот крыша здания, за её тёмным краем рдеет зарево курортного города. Ближе всех горит оранжевым вывеска ночного клуба «Парадокс». Вот идёт парочка влюблённых — они обнимаются, склоняются друг к другу, их головы очерчены квадратными нимбами днк-идентификаторов. Это его агенты. А вот и Боуэн, старый чёрт, он сидит на кровати, его бледное обвисшее лицо чуть

подсвечено жёлтым, он кажется совсем мёртвым. Но нет, пошевелился, тянется к помятой подушке, вытаскивает из-под неё телефон, тарашится в него подслеповато. Рядом — тот же кадр, но со спины. Панорама крыши с птичьего полёта, панорама квартала с птичьего полёта, панорама города с высоты полёта дрона. Крупным планом — зачем, откуда это? — угол здания, на нём несколько потрёпанных обрывков объявлений, чётко различима надпись «Требуется донор головы».

Медленно, медленно идёт зелёный человек к двери Боуэна. Стоит у порога несколько мгновений, о чём-то думает. Поднимает руку к кнопке звонка, не доводит её до цели, опускает. Наконец решается и негромко стучит в тёмно-зелёную дверь.

— Звук?! — требует Холленфельд, и хотя это не та команда, что у всех на уме, она всё-таки побуждает к действию, и его людям от этого легче.

В динамиках возникают шумы и шорохи, потом тихий голос Боуэна говорит:

— Ну и видок у вас... Вы что, посещали местные дискотеки?

Щербаков что-то отвечает, неразборчиво.

— Марк, настройте микрофоны, — недовольно ворчит Холленфельд, — что у вас за бардак с техникой? И вот эта камера — что она нам показывает?

Первый помощник что-то бурчит, двигает верньеры. Картинка с нелепым объявлением сменяется размытым цветным пятном, потом экспозиция съёживается, заостряется фокус. Все видят забрызганное грязью, но вполне спокойное лицо Щербакова. На скуле его огромный кровоподтёк. Холленфельд ненавидит это лицо.

Теперь звук ясный и сочный, они слышат всё так, как будто сами сидят в той комнате.

— Думаете, всё кончено? — устало спрашивает Боуэн.

— Для нас — да, — мягко улыбается Щербаков, садится в кресло, рассеянно теребит пальцами мочку уха.

— Значит, забвение... — Боуэн вздыхает, растирает щёки ладонями, гримасничает, как будто старается проснуться, — страшно, чёрт побери. Не думал, что будет так страшно.

Щербаков улыбается шире, кладёт руку на опущенное плечо Боуэна:

— Бросьте, Генри... У нас всё получилось, всё было не зря. Давайте порадуемся за неё, и за будущее всех остальных.

Боуэна, похоже, трясёт:

— Легко вам говорить, вы молоды, у вас есть силы быть мужественным... Уж поскорее бы. Вы уверены, что она в безопасности?

Холленфельд — само внимание. Кулаки его сжаты, он впитывает каждое слово. Ну же, Леонид, дай мне подсказку, хотя бы намёк, полслова, полжеста...

— Разумеется,— кивает Щербаков,— её должен подобрать наш катер на мосту. Он покрашен как полицейский, никаких подозрений.

Он смотрит на часы:

— Вот прямо сейчас...

Холленфельд бешено щёлкает пальцами, рывкает:

— Мост! Быстро группу захвата на мост! Пусть два вертолёт держат верхний обзор, и команду спецназа на площадь. Если у неё там сообщники, она может попытаться затеряться в толпе... Сколько у нас катеров?

— Пять!

— Все в дело, быстро! Блокировать спуск на пристань!

Вот всё и завертелось. Командный центр гудит, как улей; его помощники— а их семеро— беспрепятственно тараторят что-то в микрофоны; мелькают цифры на контрольных мониторах— метры, морские мили, сектора обстрела, минуты до прибытия, митохондриальные идентификаторы прохожих... Операция разворачивается, как пружина, и всякий только рад потратить залежавшийся запас адреналина.

— Женщину беречь, огонь не открывать!— нервно предупреждает Холленфельд, хотя это давно-давно прописано в ориентировке,— ищите чемодан! Она может попытаться сбросить его в залив— всем быть начеку, водолазам на изготовку! Чемодан и женщину— ко мне, и чтобы ни царапины!

Напрасно ты так давишь, думает он. Люди знают своё дело, все классные профессионалы, все болеют за успех. Краем глаза он видит на третьем экране какое-то движение. Это Щербаков встаёт с кресла, подсаживается к Боуэну, приближает его за плечи. Они оба молчат, они смотрят... куда они смотрят, чёрт возьми?

— Марк, куда они смотрят?— тень нехорошего предчувствия задевает Холленфельда.

— Шеф? Не понял вопроса, шеф.

— Куда. Они. Глядят. А?! Куда они уставились, дьявол?

— Э-э... Понятия не имею, шеф.

— Они смотрят на нас! На нас, Марк! Ты видишь это?

— Ну... Похоже на то, шеф. Наверное, совпадение. Вряд ли они знают про камеру, её не обнаружить. Если только...

— Если только им кто-то не подсказал... Они смотрят на нас, Марк, и подают нам знак. Они над нами смеются. Что на мосту, рапорт от опергруппы?

Где-то хрипло бурчит рация, на экранах какие-то люди в камуфляже мечутся в свете прожекторов. Вантовый мост заблокирован, над ним кружат вертолёт, повсюду полиция. В этой суматохе ничего не понять.

— Марк, рапорт?!

— Э-э... Пока ничего, шеф. Группа захвата её не обнаружила. Сканнеры тоже ничего не показывают. Кажется, её нет на мосту. Ищем. Даю приказ прочесать набережную...

Щербаков спокойно улыбается, и даже на бледном лице Боуэна светится удовлетворение. Холленфельд начинает понимать. Он смотрит в лицо Щербакова и видит своё поражение. Конечно, её там нет. Эти двое пожертвовали собой, расчётливо подставились, разыграли спектакль. Обвели его, Холленфельда, вокруг пальца. Обманули. Отняли у него самое дорогое, самое трепетное, за чем он гоняется уже три года. Три года, как она ушла от него, и с тех пор он ни разу не видел её лицом к лицу. Сегодня это должно было закончиться.

— Ну?!

— Минуту, шеф.

Он ждёт, но ответ ему уже ясен. Зачем были эти семь чашек кофе? Лучше бы нажраться снотворного. Запереться в номере отеля, спать без сновидений. Не проснуться совсем... Он прогоняет эту мысль, до боли стискивает челюсти. Видимо, что-то такое отражается в его лице— Марк испуганно барабанит:

— Командир группы докладывает, сэр: женщину не обнаружили. Площадь оцеплена, но надежды мало. Похоже, ушла.

Да, ушла. Нет, не так: никогда не приходила.

Холленфельд медленно снимает гарнитуру, растирает глаза кулаками. Красные зайчики пляшут в голове, подмышку опасно распирает кобурой. Оставляю оружие в конторе, думает он, нельзя с ним в отель. Боюсь я этого отеля. Я, закрытый номер, табельное оружие— плохое сочетание.

— Сворачиваемся,— роняет он сухо, негромко; но все прекрасно слышат.

— Гм... Шеф, а что с этими?— Марк кивает на экран.

Щербаков и Боуэн по-прежнему сидят вместе, Боуэн, похоже, усмехается.

— Этих клоунов арестовать,— безучастно отматывается Холленфельд,— допросим завтра. Всем отдыхать. Марк, тебя тоже касается.

Помощники переглядываются: на бешеного, одержимого шефа это не похоже. Он и сам это понимает.

— Сэр, квартиру Боуэна обыскать? Ищем чемодан?

— Не ищите,— кривится он,— нет там чемодана. Он у неё. Опечатайте помещение, теперь это не срочно... Начнём утром.

Помощники медлят.

— Всем отдыхать!— рывкает он через «не хочу»,— что непонятно? Вон из кабинета!

Операторы, помощники шуршат шнурами, приставками, тянутся к двери. Вскоре он остаётся один. Гаснут экраны, наступает тишина. Стекло

тикают настенные часы. Он подходит к зашторенному окну, тянет за поводок. Жалюзи нехотя ползут в стороны, и он видит ночной мост. Не весь — часть его загорожена небоскрёбами — только середину. Ажурная светящаяся игрушка, шагающая по морю, как кошка ступает по тонкому льду. Одна из гигантских опор протыкает луну; вокруг мошкаррой суетятся вертолёты.

Это конец тысячелетия, думает он. Чемодан ускользнул из его рук, и теперь процесс уже не остановить. Роман растиражируют, его прочтут миллионы. Хватило бы и нескольких тысяч. Грядёт революция, и старушке Европе такой пощёчины не снести. Тебе страшно, Холленфельд? Уже нет... А она? Что она... Быть может, она никогда и не любила его. Да, так было бы легче. Наверное.

Вибрация телефона в кармане заставляет его вздрогнуть. Это кофе виноват — от него начинаешь вздрагивать. Он нарочито медленно извлекает дрожащую пластину, задумчиво смотрит на неизвестные цифры номера, касается зелёной кнопки. — Холленфельд слушает.

Тишина, шорохи. Потом издали возникает и усиливается характерный звук — это подходит к станции поезд. Вот и голос диспетчера, шипение тормозов.

— Елена?

Слышны чьи-то голоса, лай собаки, кто-то предлагает поднести чемодан; свистки вагоновожатых, дребезжанье тележки.

— Елена... Это ты?

Стук каблучков, опять голоса, где-то тепловоз даёт тонкий и короткий гудок. Он молчит, трубка молчит в ответ. Станционный шум несколько стихает. Тянутся секунды. Должно быть, звонящий идёт по вагону. За это время, при желании, можно было бы отследить звонок. Нужно просто выйти в коридор и щёлкнуть пальцами. Ты щёлкнешь пальцами, Мартин?

Вокзальный голос просит провожающих покинуть вагоны.

— Елена... Ты вернёшься?

Поезд трогается, глухо стучат колёсные пары. Из далёкого ничто, пропущенный через сотни цифровых хабов, очищенный от шумов и восстановленный, доносится до него тихий ответ:

— Мартин... Ведь Леонид у тебя, правда?

— Послушай... Да... Да, он здесь, но это не имеет значения, потому что в создавшейся ситуации...

— Не надо. Прощай, Мартин. Если любишь — не ищи меня.

Вагонные звуки умирают.

В одиночестве Холленфельд смотрит на луну: она кажется вмёрзшей в оконное стекло.